

Резиденция Государственного наставника, квартал Инин, Чанъань

Трехдневный снегопад, укутавший Чанъань, наконец-то прекратился. Небо прояснилось, и легкий ветерок принес с собой бодрящую прохладу тающих сугробов.

В глубине сада за резиденцией стоял молодой человек. Высокий, статный, он кутался в широкую накидку из белых журавлиных перьев, а его волосы были заколоты скромной нефритовой шпилькой. Сквозь разрез накидки угадывалось простое одеяние, расписанное тушью под цвет гор и рек — то ли даосский подрясник, то ли халат ученого книжника. В его облике сочетались отрешенность мудреца и изящество: тонкие брови, уходящие к вискам, пронзительный разрез фениксовых глаз и бледное, словно точеный холодный нефрит, лицо. Неторопливым жестом он брал щепотку корма из расписной фарфоровой шкатулки и бросал в воду.

Вода в пруду, вопреки лютomu зимнему студеному месяцу, не замерзла. Над ней клубился легкий пар, окутывая берега призрачной дымкой, отчего весь сад казался сошедшим с древней картины мифическим краем. Порыв ветра всколыхнул перья на его плечах, и в этот миг, среди тумана и тишины, Государственный наставник Шангуань Фэнлань и впрямь походил на небожителя, заброшенного судьбой на остров Пэнлай.

Вскоре покой сада нарушил стражник. Одетый на иноземный, кочевнический манер, с кривой саблей на поясе, он шел размашистым, уверенным шагом.

— Господин, — почтительно склонился воин, сложив ладони в приветствии.

Передав фарфоровую шкатулку безмолвно ожидавшей служанке, Шангуань Фэнлань направился к беседке. Служанка бесшумно удалилась.

— Ну? — не оборачиваясь, спросил он.

Стражник следовал по пятам, преданно глядя на господина. Чувствовалось, что его распирает от нетерпения.

— Господин, как вы предугадали, что император не тронет семейство Янь? — выпалил он.

Фэнлань опустился на циновку перед низким столиком. Поспешно шагнув вперед, стражник снял с жаровни чайник и налил в чашу дымящийся настой.

Сделав маленький глоток, хозяин дома ответил:

— У императора слишком мало преданных полководцев. На севере — принц Чу, на северо-западе — Ли Шицзюнь, на юго-западе — Янь Ши, на юге — князь Чжэньнань. Наш государь не доверяет ни одному из них. А раз нет доверия, он будет давить каждого, не позволяя ни одной

силе возвыситься над остальными.

— А как же клан Цао? — спросил стражник.

Относительно клана Цао расклад был иным. Их глава, Цао Чжан, когда-то служил лейтенантом у Ли Шицзюня. Но Шицзюнь не терпел интриганов и пройдох, вечно выискивающих чужие слабости ради собственной выгоды, а потому быстро выставил его со службы. Цао Чжан не растерялся: он тут же нашел подход ко второму принцу, принцу Цзиню, а затем переметнулся под крыло пятого принца, принца Ци — У Чэнчжуня. Подобная суета пришлась по душе императору, который как раз искал повод прижать военачальников. Так проходимец Цао и пополз вверх по службе.

— Плод еще не созрел, — коротко обронил Фэнлань.

В этот момент в беседку вошел управитель и, склонившись в поклоне, доложил:

— Господин, прибыл принц Ци.

Это был пятый принц, У Чэнчжунь, рожденный Добродетельной супругой Шангуань.

— Проводи его в гостиную, — распорядился Фэнлань. — Я сейчас подойду.

Когда управитель скрылся за поворотом, стражник негромко произнес:

— Господин, его высочество принц Ци явился неспроста. Наверняка хочет узнать, почему вы сегодня пропустили утренний прием во дворце.

Фэнлань едва заметно иронично улыбнулся.

— Идти туда все равно было бессмысленно. — Он поднялся, мягко отклонив руку потянувшегося было на помощь стражника. Сделав пару шагов, он вздохнул, словно про себя:
— Наш принц Ци... совершенно не умеет ждать.

Затем он обернулся к воину:

— Цинсюань, сделай все, но найди принца Чу. Его след не должен затеряться.

— Будет исполнено, — твердо ответил Цинсюань.

Поместье Цзин

Проснувшись после полуденного отдыха, Цзин Юньшу долго лежал в постели, лениво прогоняя остатки сна. Наконец, окончательно стряхнув дремоту, он велел управителю отыскать хороший брусok ивового дерева и позвать Чжун И.

Когда тот явился, Юньшу поручил ему вырезать из этой заготовки полумаску. Особой изысканности не требовалось — лишь грубые очертания. Чжун И, хоть и не понял странной затеи, пререкаться не стал. К внезапным причудам своего господина он давно привык, а потому молча принялся за работу.

Накинув теплое меховое палантин-одеяние, Юньшу уселся рядом на циновку. Он внимательно следил за каждым движением ножа, а стоило Чжун И сделать несколько надрезов, как хозяин тут же выхватывал брусok, пытаясь строгать дерево самостоятельно. Опасаясь, что изнеженный господин с непривычки порежет пальцы, Чжун И ворчал, но уступил его упрямству. В итоге ему то и дело приходилось брать нож обратно, чтобы исправлять чужие огрехи и срезать испорченные грани.

Юньшу откровенно ребячился. Словно капризный ребенок, он раз за разом отбирал работу под предлогом, что непременно должен обучиться этому ремеслу.

— Господин, вам совсем заняться нечем? — наконец потеряв терпение, проворчал Чжун И.

— Отчего же, — чистосердечно признался Юньшу. — В кабинете меня дожидается целая стопка непроверенных счетов.

— Тогда зачем вы тратите время на эту безделицу? — Чжун И покрутил в руках заготовку, на которой уже проступали контуры лица.

Юньшу осторожно забрал маску, сдул мелкую стружку и невозмутимо ответил:

— Учусь новому. На всякий случай.

Чжун И лишь молча покачал головой. По его хмурому лицу было ясно: он считает, что его господин вместо настоящих дел опять забивает голову праздным ремеслом и сомнительными забавами.

Под ласковым натиском Юньшу Чжун И сдался. Не прошло и двух часов, как грубая деревянная маска была готова.

Юньшу, полулежа на мягкой кушетке, вертел деревяшку в руках. Теплый свет свечи ложился на стоящую позади ширму из белого шелка, расшитую серебряной нитью. На ней красовался изящный рисунок: усыпанные снегом ветви дикой груши. Тонкая вышивка сопровождалась

строками: «Багрянцем красит листья павшая груша, цвет гречихи благоухает белым снегом». Этот узор и стихи Юньшу набросал сам. В его прежнем мире эти строки принадлежали кисти Ван Юйчэна, но здесь, в этой эпохе, о таком поэте никто и слыхом не слыхивал. Юньшу без зазрения совести присвоил прекрасный стих себе.

Взяв сушеный хвощ, заменявший местным умельцам наждак, Юньшу принялся терпеливо шлифовать внутреннюю сторону маски. Глядя на жесткие стебли растения, он невольно вспомнил о наждачной бумаге. Увы, секрета ее изготовления он не знал. Немного подумав, он мысленно открыл панель своего межпространственного магазина и вбил запрос в поисковую строку. Ничего похожего на технологию производства наждачной бумаги в продаже не оказалось, поэтому он просто добавил это слово в список отслеживаемого.

В этой древней эпохе многие блага цивилизации были попросту не нужны, и он редко задумывался об их создании. Но когда какая-то мысль все же приходила в голову, он заносил её в закладки, чтобы не забыть. Стоило какому-нибудь торговцу из других миров выставить подобный товар на продажу, как система тут же присылала уведомление.

Хватит ли у него монет на покупку — вопрос отдельный.

За семь лет, прошедших с момента привязки системы, он проделал огромный путь: от единственной лавки до крупной сети из двадцати заведений. И все же его купеческий ранг в межпространственной гильдии едва достиг шестого уровня.

На первом уровне позволялось владеть лишь одной лавкой с годовым доходом в десять тысяч лянов серебра.

На втором — тремя, приносящими до пятидесяти тысяч.

Третий уровень открывал доступ к пяти лавкам с лимитом прибыли в сто тысяч, при этом владеть более чем тремя заведениями одного направления запрещалось.

Четвертый уровень — десять лавок, сто пятьдесят тысяч дохода и не более четырех одинаковых предприятий.

Пятый уровень расширял дело до пятнадцати точек с доходом в двести тысяч.

Нынешний шестой ранг позволял держать двадцать лавок, приносящих триста тысяч лянов чистой прибыли.

А впереди маячил заветный седьмой уровень — тридцать торговых точек и четыреста тысяч дохода.

Что самое скверное — стоило пустить дела на самотек, и ранг безжалостно катился вниз.

В торговой системе действовал общий рынок, где купцы из разных миров выставляли свои товары. Юньшу как торговцу шестого уровня полагалось шесть витрин. Курс обмена здешней серебряной прибыли на межпространственную валюту составлял безбожную тысячу к одному. Накопив триста пятьдесят тысяч лянов сверх нормы, он смог выручить всего триста пятьдесят монет. К счастью, цены на рынке не кусались. Недавно он выставил на продажу изящную вазу из белого фарфора династии Тан. Сверившись с расценками конкурентов, он запросил за нее 160 монет. Покупатель нашелся всего за сутки, что подтверждало: цену он определил верно.

Для посторонних полупрозрачный экран интерфейса оставался невидимым. Со стороны казалось, будто молодой человек просто задумчиво смотрит в пустоту.

Продолжая лениво листать вкладки меню, Юньшу монотонно водил стеблем хвоща по дереву, пока резкая боль не заставила его вздрогнуть.

Закрыв меню, он опустил взгляд на руку. Из крошечного пореза на подушечке большого пальца, оставленного коварной деревянной занозой, медленно наливалась алая капелька. Не задумываясь, Юньшу поднес палец к губам и слизнул кровь.

Сидевший рядом Чжун И нахмурился.

— Обязательно было доводить до этого? — недовольно проворчал он. Поднявшись, телохранитель принес аптечку, уселся напротив Юньшу у низкого столика и бесцеремонно притянул к себе его пострадавшую руку.

— Заноза глубоко засела, — заметил Юньшу, с интересом наблюдая за его действиями. — Лучше возьми щипчики.

Аккуратно вытащив тонкую щепку, Чжун И убедился, что кровь больше не идет. Тем не менее он достал из баночки немного заживляющей мази, густо смазал царапину и бережно перевязал палец лоскутом чистого шелка. Убирая инструменты обратно в ларец, он вновь тихо проворчал:

— И зачем только полезли сами...

Юньшу лишь беззлобно усмехнулся и свободной рукой снова потянулся к маске. Поняв, что упрямого господина не переубедить, Чжун И лишь обреченно вздохнул и устроился поблизости.

Спустя еще четверть часа Юньшу наконец отложил инструмент. Осмотрев гладкое дерево со всех сторон, он остался доволен результатом. Подняв маску, он примерил ее к лицу телохранителя и с улыбкой произнес:

— Ну вот, теперь идеально. Дарю тебе.

Чжун И уставился на подарок, затем перевел взгляд на ухмыляющегося господина. Какая поразительная наглость! Дарить вещь, которую этот же одаряемый сам и вырезал — на такое, пожалуй, во всей Поднебесной был способен один лишь Цзин Юньшу.

Вдоволь налюбовавшись озадаченным лицом верного слуги, Юньшу от души расхохотался. Его забавляла эта нехитрая шалость: казалось, ничто в мире не доставляло ему большего удовольствия, чем возможность вогнать невозмутимого Чжун И в замешательство.

<http://bllate.org/book/18296/1758284>